

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

В.Я. Брюсов и А.Е. Адалис

И произносят, и даже пишут ее фамилию по-разному – с ударением на втором или на третьем слоге. А между тем Адалис – это не фамилия, а псевдоним... Более того, и Аделина Ефимовна Ефрон (офиц. 1900-1969) – отчество и фамилия, которые она носила в юности, – это тоже не с рождения, хотя во многих источниках можно увидеть: «урожд. Ефрон».

А в раннем детстве она была Аделиной Алексеевной Висковатой, с пятилетнего возраста – круглой сиротой. Ее отец – инженер большого петербургского завода, за участие в революционных событиях 1905 года был арестован и сослан в Сибирь, но по дороге умер от воспаления легких.

Мать, балерина Мариинского театра (имя ее нигде не упоминается), покончила с собой, как рассказала внучка А.Е. Адалис, художница и писатель Екатерина Московская (подробнее о ней – ниже. – Л. А.), пятилетнюю Аделину Висковатую взяли на воспитание родственники матери, принадлежавшие к семье того самого Ефрона (вариант написания – Эфрон), который вместе с Брокгаузом издавал знаменитую энциклопедию, и она взяла себе отчество и фамилию своего приемного отца.

А теперь без комментариев попробуйте сопоставить эту подтвержденную также официозом информацию с тем, что сама Адалис писала в 1925 г.:

«Я родилась в 1899 году в имении моей бабушки в Литве в Беловежской Пуще. Детство жила в Литве, а еще в Петербурге и Одессе...».

И далее: «Училась в гимназии, потом в Новороссийском университете, окончила, училась еще в Театральной школе. Я пишу стихи с 8-ми лет. А лет с 10-ти называла себя поэтессой, чем очень потешала взрослых. Так и привыкла».

И еще о себе (как и мн. др. – не вполне понятное утверждение. – Л. А.): «Древняя рыцарская кровь моей матери слишком хорошо соединилась с простолюдинской и к тому же еврейской кровью отца»...

Болезненная девочка Аделина плохо переносила петербургский климат и по этой причине ее перевезли в Одессу, где она жила с двумя тетками.

В одесской гимназии (предполагается, что это была частная гимназия Кандыбы) она подружилась с будущей писательницей Зинаидой Шишовой. Неудивительно, что одноклассницы дразнили отличавшуюся обширными познаниями и прекрасной памятью Аделину, с учетом фамилии, которую она носила, – «энциклопедией Брокгауза и Ефрона». Она интересовалась и наукой, и эзотерикой, в частности, зачитывалась Блаватской и Рерихом, постигала тайны восточной медицины и знахарства.

Известно, что лет в двенадцать-тринадцать она прочла Брюсовского «Огненного ангела» и навсегда влюбилась и в автора, и в колдовской мир его романа; сам Брюсов сливался в ее представлении с его героем, рыцарем Рупрехтом. Возможно, что именно это и привело ее к первому опыту в стихосложении, и когда осенью 1917 года в одесском университете собрался кружок молодых поэтов «Зеленая лампа», где самыми известными литераторами из членов кружка стали трое друзей – Багрицкий, Катаев и Олеша, к нему примкнули выделявшиеся и талантом, и необычной внешностью две молодые красавицы – Зика Шишова и Аделина Ефрон, уже ставшая Аделиной Адалис. Поначалу кружковцы выступали с чтением стихов в университетских аудиториях, затем стали устраивать «интимные вечера», или «интимники», в зале консерватории. Один из них – Петр Ершов, нередко выступавший в роли конферансье на этих вечерах, вспоминал, что Аделина удивляла своим ориентализмом: «Внешне – экзотика, египетский профиль, длинные острые ногти цвета черной крови».

И. Лукьянова отмечает, что зеленоламповцы не просто писали стихи, а целеустремленно и жадно учились поэзии. Свои вечера они называли еще и «поэзо-концерты» (дань И. Северянину. – Л. А.). Удивительно, но в небезопасные тогда на улицах вечерние часы концерты собирали изрядное количество публики, и не только молодой. Читали классиков, декламировали друг другу свои стихи и беспощадно их критиковали.

Об обычаях этого кружка его члены вспоминали так: «Мы были волчата. Мы не баловали друг друга похвалами... Мы были безжалостны к себе и к другим», «ругали друг друга за каждую слабую (по нашим тогдашним понятиям) строку... Писали друг на друга пародии...» (Зинаида Шишова).

«Зеленая лампа» стала для участников кружка настоящей школой литературного мастерства. Адалис уже тогда выступала, по словам Юрия Олеши, «с тем, что представлялось ей подражанием древней поэзии, а на самом деле просто с превосходными стихами, отмеченными необыкновенной, даже неожиданной для начинающего поэта точностью слова».

Такая характеристика дорогого стоит. Одна из первых ее публикаций, подписанная «А-сь», состоялась в одесском «Южном огоньке» № 12 в августе 1918 года – стихи из цикла «Афродита – Адалис». После утверждения в Одессе советской власти некоторые кружковцы покинули город, а некоторые – и страну, но многие стали сотрудничать с большевиками: писали агитационные частушки, создавали устные газеты в одесском РОСТА. Адалис в 1920 году стала одним из организаторов «Коллектива поэтов». В новом поэтическом кружке появились новые лица, в частности, Илья Файнзильберг – Ильф, который тогда писал необычные стихи.

Художник Евгений Окс вспоминал, что Адалис была первой любовью Ильфа: «...Сирена имела зеленые глаза и пепельно-голубые волосы. Пока что она поражала непонятным высказыванием своих мыслей вслух. Это создавало положения до крайности рискованные и, мягко говоря, бестактные. Общепринятое как бы отвергалось заранее. Одному нашему знакомому она говорила: «Вы красивый и толстый». Такое сочетание эпитетов ей безумно нравилось». Окс пишет, что Сирена «жила в маленькой комнате».

Участники литературного объединения «Зеленая лампа». Сидят слева направо: А.Е. Адалис, С.И. Кессельман, Г.А. Шенгели, А. Соколовский, З.К. Шишова, Ю. Шенгели.

Стоят слева направо: С.С. Олесевиц, Э.Г. Багрицкий, Н. Соколик.
Почему-то вырезано изображение А. Кипренского. Одесса. 1919 год

коробочке», где были только кровать, столик и колченогий стул. Дома сидели в пальто, потому что было холодно, и много курили. Адалис говорила об Ильфе: «Иля – это мое создание». Компания юных поэтов привыкла жить в постоянной пикировке; они подшучивали друг над другом, иногда неумеренно: «Вели себя как передравшиеся щенки», – писала Шишова. Их молодость вместила в себя революцию, войну, голод, нужду, военный коммунизм – и была пропитана поэзией. И потом – из будущего, которое в 1919 году казалось прекрасным, прекрасной им казалась уже эта голодная юность.

Главная фигура, признанный мэтр поэтической Одессы 1917-20 гг. – Эдуард Багрицкий. Воспоминания о нем Адалис назовет «Нас вел Эдуард»: «Мы шлялись табуном, крича стихи или издеваясь друг за другом. Здоровые, полуголодные ребята, мы были злы, веселы и раздражительны. Нас вел Эдуард. Что скрывать! Нас томил голод, зависть к богатым, хитрые планы пожрать и пошуметь за счет презираемых жертв – богатых студентов

и наивных или полусумасшедших старух. Нас томила невероятная жадность к жизни, порождающая искусство, – та жадность, когда цвет халвы, недоступной губам, уже становится цветом воспеваемой аравийской пустыни, и смазливая лавочница снится мраморной, качающейся на волнах... Нас томила участь великой судьбы, тайная и неясная мечта об участии Колумбов и полководцев». 1920 год. Прощаясь с друзьями перед отъездом к мужу в продотряд, Зинаида Шишова пишет «Послание друзьям» – Олеше, Багрицкому, и очень своеобразно Адалис.

Или со стрелой Эроса
Ты, всех женщин впереди,
Розу нежную Пафоса
Возрастившая в груди;

Знаменитая певунья
И – за правду не сердись –
Ослепительная лгунья
Аделина Адалис.

Это строки, которые нашла и опубликовала сотрудник нашего Одесского литературного музея Алена Яворская, много писавшая об Адалис.

Адалис уехала в Москву одной из первых. Сначала бытие в столице было голодным и бесприютным. Она постепенно втягивалась в литературную жизнь города: есть свидетельства о том, как она появлялась в кафе «Домино», где размещался Московский союз поэтов. Алена Яворская рассказывает, что 7 декабря 1920-го Адалис приняла участие в устном конкурсе, организованном Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее; через три дня ее объявили победителем. Стихи Адалис 1920-х годов – удивительно взрослые, строгие, афористичные:

А к липам серый свет прилип,
И липы привыкают к маю,
Смотрю на легкость этих лип
И ничего не понимаю.

Быть может, теплый ветер – мечь;
Быть может, ясный свет – изгнание;
Быть может, наша жизнь и есть
Посмертное существование.

Короткое письмо зарею раб принес,
И дали позади несмело улыбались...
«Привет любви твоей, веселая Адаллис!
Уже грядущий день алеет в росах роз»...

В самом выборе темы, в выборе поэтических средств очевидна ориентация Адаллис на старших символистов. Как, впрочем, и у многих ее однокружковцев. Информации о ее жизни в Инете достаточно много.

Мне надо было что-то выбирать, и наряду с работами А. Яворской, со свидетельствами внучки, материалами О. Мочаловой, интересными и содержательными оказались публикации И. Лукьяновой. Друзья-критики упрекали меня в том, что при подготовке очерков этого цикла я увлекаюсь исследованиями Д. Быкова. Обрадовавшись возможности сменить ориентиры, я не мог и предположить, что Ирина Лукьянова окажется... женой Д.Л. Быкова...

В столице молодая поэтесса (не встречал ее возражений против использования этого термина, в отличие от Ахматовой

Аделина Адалис. 1920-е годы

и Цветаевой. – Л. А.) впервые встретила Валерия Брюсова, в которого была с детства заочно влюблена. Иное дело, что с ним все складывалось крайне непросто, и причин для этого было огромное множество.

Валерий Яковлевич Брюсов – поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк, один из основоположников русского символизма, родился 13 декабря 1873 года и начал писать едва ли не с самого рождения – по крайней мере, первую комедию под названием «Лягушка» читал родным уже в четыре года, а в одиннадцатилетнем возрасте публиковался в детском журнале «Задуманное слово». Журналистской деятельности Валерию перестало хватать в третьем классе гимназии, и он стал редактором собственного рукописного издания «Начало». Помимо стихов мальчик публиковал в «Начале» свою фантастическую повесть в духе Жюль Верна и рассказы «из индейского быта».

Уже тогда Брюсов начинает использовать несколько псевдонимов. К тринадцати годам Брюсов принял окончательное решение связать жизнь с литературой, преимущественно с поэзией – и никогда этому решению не изменял. Более того, свой юношеский план Брюсов «выполнил и перевыполнил», автором он был очень плодовитым. К сорокалетнему юбилею мэтра издательство «Сириус» решило выпустить собрание сочинений Владимира Яковлевича, и материала набралось на 25 томов – поэзия, драмы, рассказы, романы, критические статьи и переводы. А ведь 40 лет для литератора – это еще, можно сказать, юность...

Графика работы Н. Костенко

Забавно, но первая серьезная, не детская публикация Брюсова – вовсе не стихи, а статья в защиту тотализатора в журнале «Русский спорт». Отец Валерия Яковлевича мог очень много поведать сыну о скачках, ведь он просадил на тотализаторе все свое состояние.

Первый сборник стихов появился на свет в 1895 году и потряс критиков названием – «Chefs d'oeuvre», то есть «Шедевры». Ни один начинающий поэт не рискнул бы так оценить собственные первые шаги в литературе, но Брюсов всегда был самоуверен. Упомянутый Дмитрий Быков отмечал, что «трудно найти в русской литературе репутацию хуже брюсовской». Многочисленные современники и литературные критики считали Валерия Яковлевича самовлюбленным и заносчивым человеком.

Он писал в дневнике: «Юность моя – юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать мое поведение могут только великие деяния». Второй сборник, на удивление журналистов, долго издававшихся над названием первого, носил не менее пафосное название – «Me eum esse», «Это

В.Я. Брюсов в детстве

В студенческие годы

я». Дальше книги последовали одна за другой – и уже через несколько лет литературной общественности пришлось признать за Брюсовым право называть свои стихи шедеврами.

Помимо того, что Валерий Брюсов был одним из самых знаменитых поэтов своего времени, законодателем литературных мод и главой крупнейшей поэтической школы – символизма, он успел прославиться и как редактор нескольких известных журналов, в том числе «Весов» и «Русской мысли».

Уже в 1910-х Брюсов, по признанию литературоведов, становится живым классиком, многие считают его преемником Пушкина. Эпитет «великий» мелькает во множестве публикаций о нем. При этом Цветаева и Ахматова дружно не любят Валерия Яковлевича. Цветаева называет его «мастером без слуха», а Ахматова – поэтом, который знал секреты ремесла, но не знал «тайны творчества». И тем не менее, во многих областях русской поэзии рубежа веков Брюсов был первым. Например, именно он – автор первого моностиха (однострочного стихотворения) – «О закрой свои бледные ноги». Тогда этот моностих вызвал ужас у критиков и веселье у читателей, и только несколько десятков лет спустя эта форма стала пользоваться популярностью у сатириков.

Брюсов оказал влияние советами и критикой на творчество очень многих младших поэтов, поскольку активно участвовал в литературной жизни. Он имел репутацию «мага» поэзии и «жреца» культуры, непревзойденного мэтра. Это вовсе не мешало ему устроить необычный литературный розыгрыш – написать два сборника стихов от лица городской куртизанки, дорогой, роскошной, образованной и циничной. Мистификацию разоблачили далеко не сразу. Одними из самых веселых забав, заменявших и концерты, и театр, были так называемые «суды», в которых Брюсов играл главную роль. Например, обвинял имажинистов или, наоборот, защищал русскую литературу в «Суде над русской литературой». Обвинителем на том суде, кстати, был не кто иной, как Сергей Есенин. Брюсов, как и Есенин, был ярим антисемитом. Когда его сестра вышла замуж за еврея, Брюсов не явился на свадьбу и впоследствии ни разу не переступил порог их дома (что, кстати, не мешало Брюсову крутить роман с Людми-

лой Вилькиной – урожденной Бэллой Вилькен. Как и Есенину – плотно общаться с Надеждой Вольпин и Анной Берзинь).

После революции Валерий Яковлевич вступил в РКП(б) и начал активно работать в различных советских учреждениях. В числе прочего он организовал Высший литературно-художественный институт и до конца жизни являлся его ректором и профессором, руководил поэтическими вечерами московских поэтов, преподавал в МГУ и редактировал отдел литературы, истории и искусства в первом издании Большой советской энциклопедии. К пятидесятилетию он получил от правительства грамоту, в которой отмечались его многочисленные заслуги «перед всей страной».

Брюсов внес большой вклад в развитие формы стиха, а как переводчик – открыл русскому читателю плеяду блестящих авторов, в том числе из Армении, за что получил звание народного поэта Армении, помог издаться десяткам молодых поэтов. Брюсов также считается одним из лучших пушкинистов, блестящим литературным критиком и теоретиком перевода.

Быть возлюбленной Валерия Яковлевича оказалось губительным для немалого числа женщин. В 1913 году его роман с поэтессой Надеждой Львовой заканчивается ее самоубийством. Брюсов тяжело переживал ее смерть и отправился на фронт начавшейся войны – военным корреспондентом. Такой же трагедией обернулись и отношения с Ниной Петровской, отношения, семь лет бывшие предметом обсуждения всего московского бомонда. Нина была замужем за владельцем издательства, поэтому пробовала силы в литературе, но особых писательских талантов не проявила. Зато прекрасно вписалась в богемный круг с его куклами черной магии, спиритизма и эротики. Нина увлеклась Андреем Белым, а когда он бросил ее, сблизилась с Брюсовым, чтобы досадить прошлому любовнику, ведь имя Брюсова гремело по всей России. Валерий Яковлевич писал с Нины главную героиню своего «Огненного ангела» Ренату, чувственную, истеричную, склонную к мистике и экзальтации, оторванную от быта, от людей, жаждущую гибели. Нина вошла в роль Ренаты целиком и полностью, даже заявляла, будто хочет умереть, чтобы Брюсов списал с нее смерть Ренаты, и тем самым стать «моделью для

последней прекрасной главы». Она ревновала Валерия Яковлевича к его творчеству и деятельности и стала ему в тягость. В попытке разжечь былую страсть она стала изменять Брюсову, затем увлеклась наркотиками, морфием и чуть не умерла. Оправившись от болезни, решила навсегда уехать из России, жила в Европе, писала Брюсову страстные письма, по-прежнему воображала себя Ренатой. Пыталась покончить с собой, выбросившись из окна, но лишь сломала ногу и осталась хромой. После этого вернулась к наркотикам, много пила, страдала тяжелым нервным расстройством. Последние годы Нина прожила в ужасной нищете, голодала и даже просила милостыню. А вскоре после смерти Брюсова предприняла еще одну попытку самоубийства – на этот раз успешную, открыла газ в квартире.

По молодости для поднятия самооценки ему было важно покорить «настоящую» женщину. Вскоре это удалось. 19-летний юноша стал навещать 25-летнюю Елену Андреевну Краскову и добился успеха, тщательно и буквально, не стесняясь в терминах, изложив интимные подробности в дневнике. Иногда на страницах появляется младшая сестра Елены Андреевны Вера: «А правду сказать, насколько мне было приятней с Верочкой, хотя она и костлявее. Я даже не пошел ее провожать, а как жалел об этом, как жалел», – сокрушается Валерий. Но отношения с Еленой продолжают развиваться.

Поэт признается, что в пьяном угаре сделал даме сердца предложение, а на трезвую голову понял, что погорячился. Однако девушка заболела оспой и умерла. Реакция Валерия была странной. «Я буду плакать, я буду искать случая самоубийства, буду сидеть неподвижно целые дни!.. А сколько элегий! Дивных элегий! Вопли проклятий и гибели, стоны истерзанной души... О! Как это красиво, как это эффектно», – распалял себя молодой романтик.

С 1890 по 1903 год Брюсов вел записи, где фиксировал самое сокровенное. Причем чаще всего на страницах появляются brutally циничные откровения о любовных похождениях с чрезмерными подробностями сексуального общения и соответствующей обценной терминологией.

«С раннего детства соблазняли меня сладострастные мечтания... Я стал мечтать об одном – о близости с женщиной. Это

стало моим единственным желанием», – признавался поэт. А следом описывал контакт с проституткой.

Женился поэт в 1897-м на гувернантке Иоанне Рунт, дочери обрусевшего чеха, служившей в доме Брюсовых. Немногословная девушка идеально устраивала литератора. Зинаида Гиппиус называла Иоанну Брюсову «маленькой женщиной, необыкновенно обыкновенной». Иоанна, стойчески терпевшая его нескончаемые увлечения, дожила до 98 лет и стала хранителем архива поэта, да еще занялась литературными переводами с французского.

Современники вспоминают романы Брюсова с Натальей Дарузес и многими другими, скандалы с мужьями многих из них. По словам поэта Владислава Ходасевича, «Брюсов всю жизнь любопытствовал женщинам. Влекся, любопытствовал и не любил. Было все: и чары, и воля, и страстная речь, одного не было – любви». Тем не менее «донжуанский список» Валерия Яковлевича весьма солиден. Из всех отлучек Брюсов часто писал жене – разумеется, «кристально честно» оповещая ее о своих контактах с дамами и назревающих увлечениях.

Он обожал розыгрыши. Упомянутую мистификацию со сборниками стихов от лица дорогой куртизанки разоблачили не сразу.

«С 1908 года он был морфинистом, – писал о Брюсове Владислав Ходасевич. – Старался от этого отделаться, но не мог. Летом 1911 года д-ру Койранскому удалось на время отвлечь его

«Тематические» карикатуры на В.Я. Брюсова.
Автор А. Белый

В. Я. Брюсов с женой

от морфия, но в конце концов из этого ничего не вышло. Морфий сделался ему необходим. Помню, писал этот врач, в 1917 году во время одного разговора я заметил, что Брюсов постепенно впадает в какое-то оцепенение, почти засыпает. Потом он встал, ненадолго вышел в соседнюю комнату – и вернулся помолодевшим...»

Неудивительно, что роман Аделины Адалис со стареющим поэтом скоро оказался в центре внимания всей литературной Москвы.

Екатерина Московская в посвященной бабушке главе книги «Повесть о жизни с Алешей Паустовским» пишет, что Адель, «чтобы доказать свою любовь, ежевечерне под окнами дома № 30 по Первой Мещанской улице, принадлежавшего с 1910 года великому поэту и его супруге, расставляла полотняную раскладушку на тротуаре, откуда ее громко снимала молодая советская милиция, пока Брюсов не вмешался в эту ситуацию и пропал – на старости лет». «Хочу и я, как дар во храм, / За боль, что мир зовет любовью – / Влить в строфы, сохранить векам / Вот эту тень над левой бровью», – писал тогда Брюсов об Адалис. О ней же – «Египетский профиль», где упоминаются «мемфисские глаза». О ней – целый сборник «Дали» (по догадке Рема Щербакова, в названии сборника зашифровано домашнее имя Аделины – Даль.).

Восток, переводы, эзотерика, мистика, наука – это было в равной степени интересно и стареющему (?) мэтру, и его молодой ученице. Они вместе написали «Идиллию в духе Теокрита»; поэтесса Ольга Мочалова отмечала в мемуарах, что на публичном чтении «Идиллии» Брюсов горячо аплодировал Аделине. (Напомню, что этому «стареющему» даже в год смерти был «аж» 51 год... – Л. А.). В этот период широко распространилась и позже

преследовала героиню очерка эпиграмма: «Расскажите нам, Адалис, / Как вы Брюсову отдались?».

Словесный портрет молодой Аделины оставила Марина Цветаева, которую Адалис однажды пришла звать на поэтический вечер: «У Адалис же лицо было светлое, рассмотрела белым днем в ее светлейшей светелке во Дворце искусств. Чудесный лоб, чудесные глаза, весь верх из света. И стихи хорошие, совсем не брюсовские, скорее мандельштамовские, явно – петербургские». Марина Цветаева называла Аделину – одесситку с египетским профилем – «приблудой из молодых волков». В личном разговоре она сказала Аделине: «Вы умны и остры и не можете писать плохих стихов. Еще меньше – читать». Московская подруга Аделины Евгения Кунина «говорила о любви ее к Брюсову, о ее внешности так, будто видела ее перед собой: большие зеленые глаза и раздваивающиеся передние зубы, как у козы». Петербургскими ее стихи считала не только Цветаева, а многие другие – за сдержанность, лаконичность, чеканность и тщательность отделки. Именно это, в сочетании с ее сохранившимся интересом к Востоку позволило Адалис стать одним из лучших переводчиков восточной поэзии.

7 декабря 1920 она участвует в устном конкурсе, организованном Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее. Приглашали всех, от звезд – Брюсова, Белого, Есенина, Маяковского – до пролетарских поэтов. Участник этого турнира Тарас Мачтет в своем дневнике отмечал, что объявили победителя конкурса только 10 декабря. Им стала Адалис.

Брюсов написал в тот период:

К Адалис

Твой детски женственный анализ
Любви, «пронзившей метко» грудь,
Мечте стиха дает, Адалис,
Забытым ветром вновь вздохнуть.

День обмирал, сжигая сосны;
Кричали чайки вдоль воды;

Над лодкой реял сумрак росный;
Двоих, нас метил свет звезды.

Она сгибалась; вечер бросил
Ей детскость на наклоны плеч;
Следил я дрожь их, волю весел
Не смея в мертвой влаге влечь.

Я знал, чей образ ночью этой
Ей бросил «розу на кровать»...
Той тенью, летним днем прогретой,
Как давним сном, дышу опять –

В твоих глазах, неверно-серых,
В изгибе вскрытых узких губ,
В твоих стихах, в твоих размерах,
Чей ритм – с уступа на уступ.

«Когда весной 1921 года Брюсов открыл Высший литературно-художественный институт, Адалис стала его студенткой, затем начала преподавать в институте. Одновременно она заведовала литературной секцией подотдела Охобра, руководила Первой государственной профессионально-технической школой поэтики», – пишет Алена Яворская. Подробности их романтических отношений с мэтром в источниках отражены довольно скупо.

Страсть Брюсова довольно быстро стала остывать – «любовь пошла на убыль», как написала Адалис. «Брюсов устроил ей, бездомной, комнату во Дворце искусств (Поварская ул., 52), – вспоминала О. Мочалова. – Он приезжал к своей подруге, когда хотел, привозил плитку шоколада. Она голодала. Некий художник, живший по соседству, был невольным слушателем их бесед. Он рассказывал, что Брюсов держался как заурядный мужчина, которому прискучила любовница, а Адалис была трогательно-благородна в этом столкновении».

Она забеременела от Брюсова, родила ребенка, но ребенок умер. Цветаева в марте 1921-го в письме, где сообщает об этом

Волошину, называет Брюсова «гадом». Потеря ребенка была для 20-летней Адалис большим ударом.

В октябре 1924 года Брюсов умер. Аделине кто-то сказал, что покойник еще некоторое время слышит звуки, и она читала над гробом поэта стихи. Эти ее стихи о смерти возлюбленного исполнены искреннего отчаяния.

И человек пустился в тишину.
Однажды днем стол и кровать отчалили.
Он ухватился взглядом за жену,
Но вся жена разбрызгалась. В отчаяньи.

Он выбросил последние слова,
Сухой балласт – «картофель... книги... летом...»
Они всплеснули, тонкий день сломав.
И человек кончается на этом...

Внучка поэтессы пишет: «Когда Брюсов умер, Адалис была совершенно уверена всю свою жизнь, что отравлен; она попыталась покончить с собой, но кто-то ее спас, откачал. Как после всего ей было жить, подняться на ноги, дышать?». Но и личная жизнь, и интенсивная творческая деятельность продолжались. Возможно, нестерпимое горе гнало ее из Москвы. Летом 1925 года она уехала в командировку от «Нашей газеты» в Среднюю Азию. Здесь она встретила своего будущего мужа, географа и писателя Ивана Сергеева.

В 1927 году они вместе издали авантюрно-фантастический роман «Абджед, хевез, хютти...» об экспедиции, которая нашла на Памире затерянную цивилизацию. История о двух советских командированных, которым загадочный купец советует отправиться к таинственному озеру Искандер-Куль, чтобы найти «тали» – счастье, – с увлечением читается и сегодня.

Муж нашей героини, Иван Владимирович Сергеев (1903-1964) (во всех источниках в скобках добавляется – барон фон Тейхман. Основание установить не удалось. – Л. А.), географ, прозаик, член Союза писателей СССР, председатель Всемирного общества эсперантистов, а также главный редактор государственного издательства «Детская литература».

Из последних фотографий В.Я. Брюсова

В 1928 году у Сергеева и Адалис родился сын Владимир. Затем в семье появилась дочь Юлия; ее рождение оказалось связано с очередной мучительной драмой несчастливой женщины. «Аделина, родив дочь от мужа, об измене которого она узнала перед родами, отказалась даже взглянуть на нее. Читатель согласится, что далеко не каждая женщина-мать способна на такое: приказала вынести девочку к отцу, с которым порвала, и никогда не виделась с ней. И эта ее дочь, удивительно внешне на нее похожая, так и жила с отцом и мачехами, чужими людьми», – пишет Е. Московская.

Аделина рвала с людьми сразу навсегда и умела оставаться непреклонной, как скала. А могла плакать над стихами. «Экзальтированная», «неуравновешенная» – недаром чуть ли не постоянные эпитеты в рассказах очевидцев о ней.

Очерки, репортажи и заметки Адалис из Бухары, Самарканда, Ташкента, Ашхабада с 1926 по 1931 год печатались в журналах «Новый мир», «Красная нива», «Наши достижения» и «Правда в степи». Появляются и первые восточные стихи – уже не об идеальном, нафантазированном литературном Востоке, а Востоке реальном. И романтическая экзотика уступает место поэтической конкретике. Восточные очерки и стихи Адалис жестки и приземленны. Никакой пышности и экзальтации: подчеркнуто прозаичны ее эпитеты, строг и упорядочен синтаксис, спокойна пунктуация. Стихи живописны, но не восторженны, они вбирают восточный колорит, но не эксплуатируют его. И новый, советский Восток в ее стихах оказывается органически связан со старым Востоком, вырастает

из него – не привычные советские штампы, а сложная картина настоящей жизни. Эти «восточные» стихи Адалис сложились в сборник 1934 года «Власть».

Мандельштам приветствовал появление этой книжечки «сестрински нежных и матерински гордых, товарищески открытых и в то же время деловитых, служебных, озабоченных, командировочно-спешных стихов» и писал о них: «Прелесть стихов Адалис – почти осязаемая, почти зрительная – в том, что на них видно, как действительность, только проектируемая, только задуманная, только начертанная, только начерченная,

А.Е. Адалис-Ефрон. Фото 30-х годов

набегает, наплывает на действительность уже материальную». В 1930-х Адалис, кажется, искренне захвачена (да только ли она! – Л. А.) атмосферой строительства, созидания, радостного преобразования мира. И отпечаток времени ложится на ее стихи все более властно: и в жизнь, и в строки вторгается все больше официоза, хотя и пропущенного через себя. Поэтому странно, а скорее – невозможно сегодня читать поэму «Кирову» или поэму «Был я гостем в день рожденья сына...», где Адалис рисует портреты тех, кто для нее воплощает идею революции, – от Салтыкова-Щедрина до... Сталина (!). То же самое и в переводах из национальных поэтов. Так искренне или вынужденно?

Критики отмечали: задушевность, душа уходит из стихов. К концу 1930-х ее поэтический голос гложет, перевод становится внутренней эмиграцией для многих поэтов. Между тем в 1939 г. Адалис удостоивается правительственной награды – ордена «Знак почета» (а уже в 1954-м – еще и медали «За трудовую доблесть». – Л. А.).

И. В. Сергеев

Для Адалис, конечно, перевод – не вымученный выход, а естественное продолжение ее интереса к Востоку, к его поэзии, поиск формального совершенства. В попытках воссоздать особенности восточного стиха Адалис достигает замечательной виртуозности: «И невежды порочили имя твое, / И безумцы пророчили горе твое, / И надежды измучили сердце твое...». Это из ее перевода стихотворения Самеда Вургуна «Азербайджан».

Она переводит средневековых таджикско-персидских поэтов: Рудаки, Хосрова, Худжанди, Джамии; азербайджанского – Физули, афганского – Хаттака. Переводит современ-

ников – фактически открывая для русскоязычных современную таджикскую и азербайджанскую поэзию.

«Компромата» на Аделину Ефимовну в воспоминаниях очень много. Странностей в ее поведении было хоть отбавляй... Да и каких!

О.А. Мочалова («Голоса серебряного века. Поэт о поэтах (мемуары)») пишет:

«Когда Адалис ходила беременная ребенком Брюсова, она с циничной откровенностью описывала состояние зародыша внутри себя. Предавалась наркотикам. Ребенок родился мертвым. Адалис была нечиста на руку. Зайдя в гости, могла украсть что-нибудь из одежды. Ее сын, обожаемый ею, украл кошелек соседа в Доме писателей (это было много позднее). Мать защищала его, как курица цыпленка. Было время, когда Адалис жила в одной квартире с поэтом Кочетковым. Они яростно ненавидели друг друга.

В очереди за гонораром в Гослите она поругалась, как торговка, с поэтессой Кларой Блюм. Рассказывали, что в институте она

организовала издевательское общество, которое провоцировало влюбленных, расстраивало дружеские отношения, оклеветывало. Но она имела большое влияние на окружающих. В полушутку она говорила: «Так Адалис повелела, председательница оргий...». Близкие звали ее Аля, а я – Айка, пишет Мочалова. Ей говорили: «Айка, ты сделала подлость такому-то, ты больше не будешь?». Айка каялась, обещала, что больше не будет. И делала подлость кому-нибудь другому.

Был период, когда Адалис исчезла с горизонта, – время мучительных поисков, нищеты, одиночества. Но главным в ее жизни оставались Брюсов и поэзия. А вот – еще из воспоминаний Рема Щербакова, одного из авторов книги о В. Брюсове:

«Как-то в один из визитов к Аделине Ефимовне Адалис, последнему увлечению поэта, зашел разговор о стихах, посвященных ей. Аделина Ефимовна заметила: «Почему вы, молодой человек, все время говорите о стихотворениях? Валерий Яковлевич посвятил мне целый сборник!». Я прекрасно знал, что такого сборника, посвященного Адалис, не существует, но счел неприличным возражать. Уже не все помнила точно поэтесса. Уже прощаясь, я все-таки позволил себе спросить Аделину Ефимовну: «Валерий Яковлевич хотел посвятить вам сборник или действительно посвятил?». Адалис гневно посмотрела на меня и рявкнула: «Конечно, посвятил! Такие вещи не забываются!». Уже много позже мне вдруг в голову пришла неожиданная мысль: вряд ли при живой жене Валерий Яковлевич решился бы посвятить книгу Адалис. Жанна Матвеевна не выносила соперницу. Но ведь посвящение можно было и зашифровать.

Не стало ли название предпоследнего сборника «Дали» таким зашифрованным посвящением? Я позвонил Евгении Филипповне Куниной, ученице Брюсова и близкой подруге молодой Адалис, и спросил: «Простите за нахальный вопрос. А как называл Брюсов Аделину Ефимовну в интимной обстановке, в кругу близких друзей?» – «Ну как? Далью он ее называл!» Значит, ничего не придумала и ничего не забыла пожилая поэтесса.

Теперь стало понятно стихотворение «Даль» из сборника «Миг»:

Ветки, листья, три сучка.
Вглубь окна ползет акация.
Не сорвут нам дверь с крючка,
С Далью всласть могу ласкаться я...

Сам О.Э. Мандельштам в 1922 году ставил стихи Адалис выше Цветаевой: «Адалис и Марина Цветаева пророчицы. В то время как приподнятость тона мужской поэзии, нестерпимая трескучая риторика уступила место нормальному использованию голосовых средств, женская поэзия продолжает вибрировать на самых высоких нотах, оскорбляя слух, историческое, поэтическое чутье. Безвкусица и историческая фальшь стихов Марины Цветаевой о России – лженародных и лжемосковских – неизмеримо ниже стихов Адалис, чей голос подчас достигает мужской силы и правды».

А через двенадцать лет, после выхода первого сборника стихов Адалис «Власть», он же напишет: «Пишет Адалис так легко и лихорадочно, как будто карандашом на открытках, начав на одной и продолжая на другой. Кажется, она стоит в зале телеграфа, дожидаясь, пока освободится расщепленное перо на веревочке, или же из междугородней будки, задыхаясь, передает лирическую телефонограмму: – Достать стихи. Узнать, отчего происходят стихи. Подойти как можно ближе к тем людям и делам, ради которых и благодаря которым пишутся стихи».

Адалис исключительно высоко оценил и Максим Горький и эффективно способствовал ее продвижению в печати.

«Прекрасное должно быть величаво», – говорила она о поэтическом творчестве.

Как пишет Софья Каганович, с первых дней войны Аделина Адалис «выступает с чтением стихов в госпиталях и на переднем крае, выпускает брошюру для солдат «Защита Родины – высший закон жизни», работает в Баку в 7-м отделе армии. К ее наградам прибавляются медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией». Сначала она уехала в эвакуацию в Алма-Ату вместе с сыном-подростком, потом кто-то из друзей позвал ее в Баку. Об этом городе она с тревогой думала в 1942-м, когда ему угрожала оккупация: «Ты тайным голосом мне под защиту отдан / Не почему-нибудь еще, а по любви!».

Когда она перебиралась из Алма-Аты в Баку, ее горячо любимый и до того чрезмерно опекаемый сын Володя сбежал на фронт. Она искала его и пыталась вернуть, но не смогла; история его бегства и его войны рассказана им в автобиографической повести «Непредсказуемый Берестов».

Адалис стала корреспондентом газеты Кавказского фронта и даже получила воинское звание, рассказывает ее внучка. Не раз ездила на фронт. Встречалась с партизанами; их рассказы легли в основу сюжета поэмы «...И несколько гранат» – неровной, не очень удачной, но местами пронзительно жуткой. После войны ее собственный голос слышен только в послевоенной поэме «Прогулка в ноябре», которую она не включала в позднейшие сборники, и в цикле антиколониальных стихов «Восточный океан», опубликованном в 1949 году.

И до, и после, до самого 1960 года, она публиковала только переводы, почти три десятилетия промолчав как лирик. Десятилетия эти были полны упорной переводческой работы. Работа эта позволяла ей хорошо зарабатывать; кроме того, как рассказывает ее внучка, «в ней нуждались и с ней дружили азиатские коллеги богатого и хлебного Востока, потому кроме гонораров везли дыни зимой, коньяки, орехи, конфеты и вина с ходжентских и бакинских базаров, жарили барашков». Сама она в быту была беспомощна – не умела не то что готовить, даже разогреть еду, потому иногда сидела за работой голодная; могла, заработавшись, мерзнуть и забыть одеться теплее, могла позвонить родным на рассвете с вопросом, как варить пельмени из пачки: заливать холодной водой или кидать в нее?

В том, что касается литературы, она была жестка и принципиальна – еще с юности, с «Зеленой лампы», где хорошим тоном было не щадить собратьев. Литературовед Вячеслав Огрызко недавно опубликовал протокол обсуждения поэмы Константина Симонова «Ледовое побоище», где Адалис сравнивает ее с лубком времен первой мировой.

Евгений Евтушенко свидетельствует, что в 1958 году на собрании московских писателей, где голосовали за исключение Пастернака из Союза писателей, Адалис была единственной

воздержавшейся. И не просто воздержалась, а потребовала занести это в протокол; по тем временам – невероятное мужество.

«Оттепель» словно бы дала ей силы для нового творческого взлета. В 1960-х выходит несколько ее поэтических книжек – «Новый век», «Города», «До начала», «Январь – сентябрь». Здесь звучит новый голос Адалис: в нем меньше пафоса и больше лирических размышлений о мире, о человеке, о себе. Вместо политотделов и строек в ее поэзии появляются новые понятия эпохи – атом и космос. Ее занимает уже не пафос социалистического строительства, а судьба мира, который стал таким маленьким и уязвимым. Теперь она живо интересуется космогонией, историей, археологией, кибернетикой. В одном из ее стихотворений фольклорное яблочко, катящееся по блюдецке, оборачивается вдруг земным шаром: «И голубое яблочко опять / На черном, черном блюдецке вертится».

В ее стихах появляются трогательные ноты: она пишет о запахе календулы, о старушках, которые «хорошо одеваются и приходят на интересную лекцию», и «кажутся себе девчонками, не достигшими необходимых шестнадцати лет», и слушают лекции «о радиозвездах и о звездах сверхновых, и о звездах, ужасно взрывающихся». Она и сама была такой девчонкой-старушкой – то озорной, то перепуганной взрывающимися звездами.

По рассказу внучки, бабушка могла позвонить ночью и сказать: «Выйди из дома, найди пустырь, где нет ни домов, ни деревьев, и оставайся там два часа; летит метеорит, или все уничтожит и будет катастрофа, или пролетит мимо и обойдется...». Ей очень нравилась проза братьев Стругацких. Но позвонить им и сказать «я такая-то, очень люблю вашу прозу» Адалис не могла: слишком скучно. Тогда она стала звонить им и, меняя голоса (это она очень хорошо умела, могла даже чревовещать – пишут современники), говорила со Стругацкими от имени их персонажей, заставляя их недоумевать, кто же их так мастерски разыгрывает. Потом из этого получилась долгая дружба. В последние годы ее окружали ученики, студенты, коллеги. «Вокруг нее был вечный шалман студентов и новых писателей, дверь не закрывалась на Старосадском, постоянные споры, шум, чтения с утра до утра», – свидетельствует ее внучка.

В ее поздней лирике, иногда избыточно декларативной, попадаются строки замечательной простоты – той самой, к которой приходят только к концу жизни: «Кто хочет – тот бессмертен, / А кто не хочет – нет».

А в одном из стихотворений цикла «Восьмистишия» высказана странная догадка, что человек рождается без души, что душу он в себе выращивает всю жизнь: «Смертными на свет мы рождены, / Чтобы зарабатывать бессмертье».

Коротко о том, что известно о потомках героини этого очерка.

Сын – Владимир Иванович Сергеев, 1928 г. р. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Высшее военное училище им. М.В. Фрунзе и Литинститут. Член Союза писателей. Полковник погранвойск. Печатается с 1949 года. Поэт-песенник. Автор поэтических сборников «Дороги» (1965), «Сыновья» (1977), «Я признаюсь в любви...» (1977), «Марафон» (1985), «Не судите женщин». Среди написанных им песен – хорошо известная «Весна Победы» – «Фронтовики, наденьте ордена!».

Дочь – Юлия Ивановна Сергеева, режиссер, драматург.

Внучка, которая часто упоминалась выше, – дочь сына Екатерина Владимировна Московская (1950), литератор, художник. После развода родителей осталась с матерью Людмилой Васильевной и в 1957 г. была усыновлена дедом – отцом матери Василием Петровичем Московским (1904-1984), журналистом, автором многих книг (генерал, гл. редактор газет «Сталинский сокол», «Красная Звезда», «Советская Россия», чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНДР, зав. отделом пропаганды

Из последних изображений А.Е. Адалис

и агитации, затем – зампред Ревизионной комиссии ЦК КПСС, зампред Совмина РСФСР).

Второй муж матери, отчим Екатерины – В.К. Журавлев, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Бенине.

Муж Кати Владимир Бельский, сын Егор, правнук героини очерка.

Еще один внук А.Е. Адалис, Иван Владимирович Сергеев (1938?), сын Владимира Сергеева от второго брака.

Один из электронных ресурсов начала нынешнего века сообщал:

«19 января 2001 г. Российское посольство в США распахнуло двери своего помпезно-нарядного Петровского зала для американской публики. Собрались многочисленные гости: литераторы, историки, журналисты, галерейщики, профессора университетов, художники, дипломаты. Это был день открытия выставки замечательных картин и одновременно презентации удивительной книги члена Союза художников СССР, участницы российских и международных выставок, корреспондента «Независимой газеты» в Вашингтоне Екатерины Московской, для которой известный писатель Василий Аксенов сделал такую надпись на своей книге: «Кате, героине Москвы 70-х годов. Спасибо за Ваши воспоминания». Одним из ее мужей был Алексей Паустовский, сын писателя от третьего брака, погибший от передозировки наркотиков в возрасте 26 лет. «Повесть о жизни с Алешей Паустовским» московской художницы Екатерины Московской – один из первых опытов эпохи мемуаров, обрушившихся на читателя в 90-е годы. Надо отметить, что «Повесть о жизни...» опередила многие образцы жанра, которые нынче принято считать эталонными».

Известный журналист, культуролог и коллекционер, основатель Вашингтонского музея русской музыки и поэзии Юлий Зыслин писал тогда: «Внучка поэтессы Аделины Адалис (указывает ее истинную фамилию как Ефрон), последней музы Валерия Брюсова, бурно заявила о себе в Вашингтоне, устроив вернисаж своих картин и представив книгу воспоминаний, где есть кое-что о ее бабушке. Катя Московская посетила вместе с мужем музей и выступила на «Цветаевском костре».

Умерла Аделина Адалис в 1969 году от инсульта. Рассказывают, что врачом скорой помощи, приехавшей к ней, оказался молодой врач, будущий профессор-гематолог И.Г. Аллилуев, внук Сталина. Он случайно обмолвился об этом, и Адалис в своем стиле категорически отказалась принимать от него помощь. Пока ехала другая бригада, она попросила сына почитать ей Брюсова – из последней книги, и тихо-тихо слушала. Когда вторая бригада приехала, оказалось, что Адалис уже умерла. Смерти она не боялась и говорила о ней просто – как о части жизни. За несколько лет до смерти написала восьмистишие, обманчивое в своей строгой простоте: кажется жалобой на мимолетность жизни, а оборачивается надеждой на вечность...

Е.В. Московская, внучка поэтессы

Жизнь полуйссякшая моя
Рано оказалась у предела...
Плод пережитого бытия –
Кажется, душа во мне созрела?
Летним этим вечером опять
Тайно я по странствиям тоскую...
Самое бы время начинать
Жизнь одушевленную, вторую!

Похоронена она на Химкинском кладбище.

